

Элино́р ПОРТЕ́Р

ПОЛЛИА́ННА

Иллюстра́ции
Елены Запесочной

#эксмодетство
Москва
2023

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44
П60

Портер, Элино́р.

П60 Поллианна / Элино́р Портер ; иллюстрации Елены Запесочной ; [перевод с английского Константина Молькова]. — Москва : Эксмо, 2023. — 232 с. : ил. — (Библиотека школьной классики).

ISBN 978-5-04-177954-2

Добрая и трогательная повесть американской писательницы Элино́р Портер. История маленькой девочки, которой удалось изменить жизнь целого города. Забавные иллюстрации Елены Запесочной.

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Сое)-44

Глава I

МИСС ПОЛЛИ

Мисс Полли Харрингтон энергичным шагом вошла в кухню. Поскольку мисс Полли никогда в двери не входила, но, как и положено настоящей леди, величественно *вплывала* в них, легко было догадаться, что в это июньское утро она очень куда-то торопится. Или сильно чем-то взволнована. Или то и другое вместе.

Нэнси, мывшая в раковине посуду, бросила на неё удивлённый взгляд. Хотя в этом доме Нэнси работала всего два месяца, она уже успела достаточно много узнать о привычках своей хозяйки.

— Нэнси!

— Да, мэм, — бодро, но при этом довольно безучастно откликнулась Нэнси, продолжая оттирать тряпкой кувшин, который держала в руках.

— Нэнси! — голос мисс Полли сделался строже и суше. — Когда я разговариваю с тобой, ты должна бросить все свои дела и внимательно слушать, что я тебе скажу.

Нэнси покраснела, неловко принялась ставить на стол недомытый кувшин вместе с тряпкой, едва не опрокинула его на пол и окончательно смутилась.

— Да, мэм. Я буду вас слушать, мэм, — забубнила она, поправляя злополучный кувшин. — Просто вы же сами сказали, чтобы я быстрее посуду перемыла. Дескать, дел ещё много нынче утром. Да сами, наверно, помните...

Её хозяйка нахмурилась.

— Довольно, Нэнси, — совершенно шершавым голосом оборвала её мисс Полли. — Я в твоих объяснениях не нуждаюсь. Просто молчи и слушай.

— Да, мэм, — пискнула Нэнси, подавив вздох, и примолкла.

Вот наградил же её бог хозяйкой, которой вовек не угодишь, как ни старайся! Хотя кто его знает, какими бывают другие хозяйки. Раньше Нэнси ни у кого прислугой не работала, жила на родительской ферме с уютным названием «Уголки» километрах в десяти от города, но теперь нужда заставила. Неожиданно умер её отец, оставив вдову с детьми на руках. Детей было четверо, Нэнси — самая старшая, поэтому пришлось ей искать работу, чтобы поддержать семью. Вот так она и попала к мисс Полли Харрингтон, о которой знала лишь, что она — владелица старинного поместья Харрингтонов и одна из самых богатых женщин в городе. Но с тех пор прошло два месяца, и теперь-то Нэнси знала, что мисс Полли — хозяйка строгая; не очень, скажем прямо, приятная и нервная к тому же. Знаете, как она вздрагивает и хмурится, если вдруг дверь неожиданно хлопнет или ножик со стола на пол упадёт? А впрочем, хмурится она и тогда, когда ножи и двери ведут себя смирно. Ни разу ещё Нэнси не видела, чтобы мисс Полли улыбнулась, хотя бы самую чуточку.

— ...а когда закончишь все свои утренние дела, освободи от вещей маленькую комнату в мансарде, ту, что возле лестницы, и принеси туда раскладную кровать, — монотонно продолжала мисс Полли. — Только сначала подмети там и приберись, как только коробки и баулы вынесешь. Ты слушаешь меня, Нэнси?

— Да, мэм. А куда мне вещи-то девать, которые я из той комнаты вынесу?

— Вещи?.. Переложить их к дальней стене, там, где окно над крыльцом. — Мисс Полли пожевала губами, а затем добавила: — Полагаю, что должна поставить тебя в известность, Нэнси, о приезде моей племянницы, мисс Поллианны Уиттер. Ей одиннадцать лет, она будет жить у меня и спать в той комнате, которую ты должна прибрать.

— Девочка? К нам приезжает маленькая девочка, мисс Харрингтон? Ой, да это же просто замечательно! — обрадовалась

Нэнси, моментально вспомнив о своих младших сестрёнках. От них на ферме «Уголки» даже в хмурый день становилось светлее.

— Замечательно? Честно говоря, это не совсем то слово, которое кажется мне подходящим, — своим суконным голо-
сом ответила мисс Полли. — Нет, я, конечно, позабочусь о ней. Женщина я, надеюсь, добрая, свой христианский долг знаю и исполню его.

— Да, мэм. Само собой, мэм, — густо покраснела Нэнси. — Просто я подумала, что маленькая девочка... Ну, что с ней вам самой жить станет... веселее, что ли.

— Благодарю, — ледяным тоном ответила на это мисс Полли. — Но особого веселья, как ты говоришь, мне в настоящее время не требуется.

— Да... нет... но вы же наверняка должны быть рады. Всё-таки родная племянница приезжает. Дочка вашей сестры... — рискнула продолжить Нэнси, которой очень хотелось сделать более тёплым и благожелательным приём, который ожидал здесь маленькую одинокую странницу.

— Заруби себе на носу, Нэнси, — высокомерно вздёрнула подбородок мисс Полли. — То, что моя сестра оказалась настолько глупой, чтобы необдуманно выйти замуж, а затем, что было уже полным безумием, наплодить никому не нужных детей, вовсе не означает, что я сама желаю возиться с ними.

Но, как я уже сказала, свой долг я знаю и надеюсь его исполнить. Всё. Хватит болтать. Принимайся за дело, Нэнси, и не забудь как следует вымести углы в той комнате, ясно?

— Да, мэм, — вздохнула Нэнси, вновь беря со стола кувшин. Он уже остыл, засох — придётся теперь отмывать его заново.

Поднявшись в свою комнату, мисс Полли снова достала письмо, которое пришло пару дней назад из какого-то городка на дальнем Западе страны и оказалось для неё неприятной неожиданностью. Очень неприятной. На конверте значился адрес: мисс Полли Харрингтон, Белдингсвилл, штат Вермонт, а на вложенном внутрь листе бумаги было написано:

«Уважаемая сударыня! С прискорбием извещаю Вас о том, что преподобный Джон Уиттер две недели назад скончался, оставив сиротой свою дочь, девочку одиннадцати лет от роду. Кроме неё, после смерти преподобного практически не осталось никакого имущества, если не считать нескольких богослужебных книг. Впрочем, Вы сами наверняка знаете, что он был пастором в маленькой миссионерской церкви, где получал весьма скудное жалованье.

Пастор Уиттер был мужем Вашей покойной сестры, и с его собственных слов мне известно, что отношения между вашими семьями были не самыми лучшими. Однако перед смертью он выразил надежду, что в память о своей сестре Вы, возможно, не откажетесь принять его осиротевшую дочь, и она найдёт приют в семье своих родственников на востоке. Именно поэтому я и пишу Вам.

К тому времени, когда Вы получите это письмо, девочка будет готова к переезду, и если Вам будет угодно взять её к себе, просим немедленно уведомить нас о своём решении. Дело в том, что в самое ближайшее время один местный прихожанин вместе со своей женой отправляется в Бостон. Они могли бы взять девочку с собой и в Бостоне посадить на поезд, идущий до Белдингсвилла. Разумеется, мы Вам непременно сообщим о том, в какой день и каким поездом следует ожидать прибытия Поллианны.

*С надеждой на быстрый и благоприятный ответ, искренне Ваш,
Джереми О. Уайт».*

Мисс Полли нахмурила брови, сложила письмо и вернула его в конверт. Ответ она отправила вчера, написав, что, конечно же, примет ребёнка. Мисс Полли Харрингтон очень хорошо знала свой христианский долг — так же хорошо, как и то, насколько ей будет неприятно выполнять его.

Присев на стул с письмом в руках, она стала вспоминать свою сестру, Дженни, мать осиротевшей девочки. Когда Дженни едва исполнилось двадцать лет, она вопреки желанию своих родственников настояла на том, чтобы выйти замуж за молодого священника. А ведь был у Дженни более интересный, более выгодный жених. Он-то как раз очень нравился всем членам семьи — кроме самой Дженни, естественно. Был тот жених постарше и намного, намного богаче. Да что, собственно, вообще имел за душой этот священник? Только полную юношеских мечтаний и дурацких идеалов голову да полное любви сердце... Дженни предпочла идеалы и любящее сердце, что, впрочем, было как раз очень похоже на неё. Короче говоря, вышла она за священника замуж и уехала вместе с ним в южные штаты, куда его направили миссионером, обращать в христианство неверующих.

С тех пор отношения между обеими семьями были разорваны. Это мисс Полли очень, очень хорошо помнила, хотя сама была в то время ещё совсем юной девушкой пятнадцати лет. С семьёй миссионера их больше ничто не связывало. Нет, если уж быть совершенно точным, то сама Дженни полностью родственные нити не обрывала, писала время от времени. Сообщила, например, что своего последнего ребёнка, девочку, назвала Поллианной в честь двух своих сестёр — младшей Полли и средней Анны. То письмо, кстати, стало последним, которое они получили от Дженни. Спустя несколько лет им пришло коротенькое, буквально в пару строк, письмо от миссионера о том, что Дженни умерла. Оно было отправлено из какого-то маленького захолустного городка на дальнем Западе. После этого наступило полное затишье — как говорится, ни слуху ни духу о священнике-миссионере и его дочери.

А время на месте не стояло, и сейчас, глядя из окна на далеко расстилавшуюся внизу под холмом долину, мисс Полли невольно задумалась о тех переменах, которые произошли

с обитателями этого большого дома за те двадцать пять лет, что пролетели после отъезда Дженни.

Собственно говоря, за эти годы никого из семьи, кроме самой мисс Полли, и на свете-то не осталось. Мать, отец, сёстры — все умерли, все. Вот уже много лет, как мисс Полли осталась единственной хозяйкой в большом доме на холме и единственной наследницей капиталов её отца. А ещё она осталась одна, совершенно одна в этом мире. Да, находились, конечно, доброжелатели, уговаривали её обзавестись другом или хотя бы компаньонкой, чтобы кто-то жил рядом с нею, спасал от одиночества. Но не нужны были мисс Полли ни их сочувствие, ни их советы. В ответ она всегда говорила, что вовсе не чувствует себя одинокой, что ей совершенно никто не нужен, что ей даже нравится жить в тишине и покое. Но теперь...

Мисс Полли поднялась на ноги, нахмурилась, пожевала плотно сжатыми губами. Нет, она, конечно же, была рада тому, что не только сознавала свой долг, но и нашла в себе силы, чтобы продемонстрировать это. Это поступок, достойный действительно хорошей христианки, не правда ли?

Но вот только... *Поллианна*... Что за нелепое имя, прости господи!

Глава II

СТАРЫЙ ТОМ И НЭНСИ

Нэнси яростно скребла и тёрла полы в маленькой мансардной комнатке, обращая, разумеется, особое внимание на углы. Это был тот самый случай, когда она вкладывала все свои силы в работу не столько из усердия, сколько из желания таким образом «выпустить пар». Что ж, при всей своей робости перед хозяйкой святой Нэнси всё-таки не была и бесконечным терпением не отличалась.

— Вот так бы... мне... душу её почистить, — пыхла Нэнси, подкрепляя каждое своё слово звучным шлепком швабры. — Все закутки... все... углы. Да, много раз пришлось бы... тряпку отжимать... и воду менять. Додумалась, тоже мне, ворона старая!.. Ребёнка... сиротку... и в эту душегубку запихнуть, где зимой... холодина, а летом... от жары не продохнуть. Будто

у неё в доме других комнат нету!.. Да здесь целую роту солдат разместить можно! Так нет же!.. Самую плохую клетушку выбрала!.. И для кого! Для сиротки, а?.. Как это она сказала, вобла сушёная? Ага... *ненужные* дети, вот! — Нэнси сильно, до побелевших костяшек пальцев, отжала тряпку и в сердцах повторила: — Ненужные дети! По-моему, не дети здесь никому не нужны! Здесь кое-кто другой явно лишний, кое-кто другой!

После этого она некоторое время работала молча, но, закончив уборку, вновь заговорила, с отвращением осмотрев пустую комнатку:

— Ну ладно. Своё дело я сделала, всё тут чистенько стало, а уж всё остальное не в моих силах. Бедная, бедная девочка! Это ж какой камень вместо сердца иметь нужно, чтобы запихнуть в эту конуру маленькую бездомную сиротку, а? — Расчувствовавшись, Нэнси вышла в коридор и с грохотом захлопнула за собой дверь. Спихватилась, испуганно прикусила губу, но затем запальчиво добавила, махнув рукой: — И наплевать! Надеюсь, эта злыдня услышала? Вздогнула? Глазищами своими захлопала? Вот и хорошо, так ей и надо!

В тот же день ближе к обеду Нэнси сумела выкроить несколько минуток, чтобы сходить порасспросить кое о чём Старого Тома. При доме Харрингтонов Старый Том служил садовником и сам уже не мог припомнить, сколько лет он клумбы здесь пропалывал да дорожки расчищал.

— Мистер Том, — начала Нэнси, бросив вначале беглый взгляд через плечо — посмотреть, не видит ли её кто-нибудь. — Мистер Том, вы знаете маленькую девочку, которая приезжает сюда? Жить у мисс Полли будет.

— Что-что? — с трудом разогнул свою скрюченную спину старик.

— Ну, вы девочку знаете? Племянницу мисс Полли.

— Да ну тебя со своими шуточками, — фыркнул Том. — В следующий раз придумай что-нибудь поинтереснее. Например, что солнце с завтрашнего дня на востоке садиться будет. Дескать, в газетах так написано.

— Но это правда, про девочку-то, — покачала головой Нэнси. — Хозяйка сама мне сказала, что это её племянница. Что одиннадцать годиков ей.

У Старого Тома от удивления отвисла челюсть:

— Да ладно!.. Какая ещё племянница... Одиннадцать лет... — тут его выцветшие от времени глаза вдруг загорелись. Старый Том сообразил, о ком речь: — Постой... да это же никак... Быть того не может! Неужели это впрямь дочка мисс Дженни? Ну да, она же только одна и была замужем из сестёр-то, только она. Да, Нэнси, так и есть, это, должно быть, дочка мисс Дженни, больше некому. Вот радость-то! Уж никак я не думал, что когда-нибудь своими глазами её увижу, никак не надеялся!

— А кто такая мисс Дженни?

— Она? Ангелом она была. Прямо с небес сюда спустившимся, — благоговейно прошептал старый садовник. — Правда, прежний хозяин и его миссис принимали её за свою старшую дочку. Ошибались, конечно. Куда им такую дочку иметь! А как только мисс Дженни двадцать лет исполнилось, она вышла замуж, да и уехала вместе с мужем. Далеко они куда-то уехали, не помню уже точно куда. Слышал я, что с детьми им не везло — умирали они один за другим. Только одна, самая последняя девочка выжила. Вот она-то, надо думать, и приезжает к нам!

— Ей одиннадцать лет, — напомнила Нэнси.

— Одиннадцать? Что ж, похоже, это она, — кивнул старик.

— И эту девочку хозяйка хочет поселить в мансарде, в клетушке! Как ей только не стыдно! — возмутилась Нэнси, не забыв, правда, предварительно ещё раз оглянуться через плечо.

Старый Том нахмурился, а затем уголки его губ приподнялись в улыбке.

— Интересно, что будет делать мисс Полли с приехавшим в её дом ребёнком, — хмыкнул он.

— А мне гораздо интереснее, что будет делать с мисс Полли эта девочка! — сердито фыркнула Нэнси.

— Сдаётся мне, не очень-то она тебе нравится, наша мисс Полли, — ухмыльнулся Старый Том.

— Ага, будто она вообще может кому-то нравиться! — презрительно поморщилась Нэнси.

Старый Том загадочно улыбнулся, поиграл бровями, а затем пробурчал себе под нос, принимаясь за прерванную работу:

— Похоже, ты совсем ничего не знаешь о романе, который случился много лет назад у мисс Полли. Ничего не знаешь.

— Роман? У неё? Да ладно! Не слышала я ничего про её романы, да и никто другой во всём городе, я думаю, тоже.

— Но роман у неё всё-таки был, — медленно покивал старик. — И человек, который её любил, до сих пор, между прочим, живёт в нашем городе. Вот так-то.

— И кто же он?

— А вот этого я тебе не скажу. Права не имею. — Том с кряхтением выпрямился и глянул тусклыми голубенькими глазками в сторону дома, с которым была связана вся его долгая жизнь. Старый садовник по-своему гордился семьёй своих хозяев, любил их, служил им верой и правдой и, разумеется, свято хранил их тайны.

— Нет, ну это просто уму непостижимо — она и любовник! — не унималась Нэнси.

— Ты же не знаешь мисс Полли так, как знаю её я, — покачал головой Старый Том. — Она ведь в молодости прехорошенькая была! Да и сейчас могла бы красавицей быть, если бы только захотела!

— Мисс Полли? *Красавицей?*

— Да. Ей бы только распустить этак небрежно свои волосы, как встарь, да напялить поверх них шляпку соломенную с цветочками! Да платице кружевное надеть. Белое, само собой. Вот тогда бы ты увидела, какая она красавица! Ведь мисс Полли совсем ещё не старая, Нэнси.

— Не старая? Да ну? Значит, просто очень ловко старой каргой прикидывается. Очень ловко! — снова фыркнула Нэнси.

— Прикидывается, — неожиданно согласился с нею Старый Том. — А началось это с ней как раз после того неудачного романа. Именно с тех пор она сделалась горькой, как полынь, и колючей, как ежевика, с тех самых пор. Несносной она стала, вот что я скажу.

— Это уж точно, — раздражённо подхватила Нэнси. — Несносная. Ничем ей не угодишь, как ни старайся, хоть лоб себе расшиби! И не нужно её выгораживать. Если бы не голодные рты у меня дома, которых кормить нужно, я ни минуточки здесь не задержалась бы. Но и у меня терпение не железное. Когда-нибудь я скажу ей всё, что думаю, и тут же прочь, прочь отсюда. Бегом!

— Знакомая песня, — кивнул Старый Том. — Сам её пел когда-то. Но запомни, девочка, расплеваться и уйти — не лучший выход. Не лучший, это уж ты мне поверь.

И он низко склонил к земле седую голову, вновь принимаясь за работу.

— Нэнси! — долетел с крыльца раздражённый резкий голос.

— Да, мэм, — откликнулась Нэнси и, с отвращением поморщившись, поспешила к дому.

Глава III

ПРИЕЗД ПОЛЛИАННЫ

Телеграмма, в которой извещалось, что Поллианна прибудет в Белдингсвилл на следующий день, двадцать пятого июня, четырёхчасовым поездом, пришла вовремя, не запоздала. Мисс Полли дважды перечитала телеграмму, нахмурилась, а затем поднялась по лестнице в мансардную, приготовленную для Поллианны, комнатку. Здесь выражение её лица менее кислым не сделалось.

В комнатке стояли аккуратно застеленная переносная кровать, два стула с жёсткими прямыми спинками, умывальник, комод без зеркала и маленький столик. Всё. Ни картин на стенах, ни занавесок на окнах, в которые весь день било солнце, отчего в комнатке было жарко как в печке. Противомоскитных сеток на окнах тоже не было, поэтому их никогда не открывали. Сейчас в одно из стёкол с сердитым жужжанием билась неведомо как залетевшая сюда муха. Устав биться, она принималась ползать вверх и вниз по стеклу, не оставляя безуспешных попыток вырваться наружу.

Оказаться на воле мухе было не суждено — мисс Полли прихлопнула её и выкинула за окно, приоткрыв для этого на секунду крохотную, не более пары сантиметров, щёлочку. Совершив эту казнь, она поправила неровно, по её мнению, стоявший стул, нахмурилась ещё сильнее, и с совершенно мрачным видом покинула комнату.

— Нэнси, — своим шершавым голосом сказала она, врывая спустя несколько минут в дверь кухни. — Я обнаружила муху. Наверху, в спальне мисс Поллианны. Это означает, что некоторое время назад в той комнате открывали окна. Я уже заказала для этих окон противомоскитные сетки, но их ещё не доставили, и до тех пор, пока их не привезут, окна должны оставаться закрытыми. Проследи за этим. Далее. Сегодня в четыре приезжает моя племянница, я хочу, чтобы ты встретила её на станции. Поедешь с Тимоти в двуколке. В телеграмме сказано: «волосы светлые, платье клетчатое красное, соломенная шляпка». Больше мне о ней ничего не известно, но думаю, что этого тебе хватит, чтобы узнать её.

— Да, мэм... но разве вы сами...

Мисс Полли прекрасно поняла смысл недосказанной фразы и твёрдо ответила:

— Нет, сама я не поеду. Не думаю, что в этом есть какая-то необходимость. Это всё. — И мисс Полли величественно покинула кухню с чувством исполненного перед своей племянницей долга. Она позаботилась о Поллианне? Позаботилась. И кто после этого усомнится, что она *добрая* женщина?

Оставшись одна, Нэнси продолжила яростно водить шипящим раскалённым утюгом по кухонному полотенцу, раздражённо приговаривая при этом себе под нос:

— Светлые волосы, клетчатое платье и соломенная шляпка — это, видите ли, всё, что ей известно! Вот уж действительно, со стыда сгореть можно! И это она о своей единственной племяннице говорит, о девочке, которая сюда через всю страну едет!

На следующий день ровно без двадцати четыре Тимоти и Нэнси выехали в двуколке на станцию встречать маленькую гостью. Тимоти, между прочим, был сыном Старого Тома, поэтому неудивительно, что если Тома частенько называли в городе правой рукой мисс Полли, то Тимоти — её левой рукой.

Тимоти был добрым малым — хорошо воспитанным и к тому же очень симпатичным. Вскоре после того, как в доме появилась Нэнси, они очень, очень сдружились. Правда, сегодня занятой мыслями о девочке Нэнси было не до разговоров, так что до станции они доехали молча. Здесь Нэнси вылезла из двуколки и принялась в ожидании поезда прохаживаться по деревянному перрону, без конца повторяя про себя: *«Светлые волосы, красное клетчатое платье, соломенная шляпка...»*

Интересно, какой она на самом деле окажется, Поллианна?

— Надеюсь, она окажется тихой и спокойной, дверями хлопать не начнёт и не будет ронять на пол ножи, — со вздохом сказала она привязавшему лошадь и присоединившемуся к ней Тимоти.

— Да уж. А если она *не такая*, то страшно даже подумать о том, что тогда будет. Нет, ты только представь себе эту